

ПРАВО

УДК 347.61/.64

В статье анализируются современные идеи о предпосылках формирования метода семейно-правового регулирования, компонентах его содержания, поиске баланса между традиционными и инновационными технологиями воздействия на отношения с семейным элементом.

Ключевые слова: семейные отношения; метод; правовое регулирование; традиции; новации.

The article analyzes modern ideas about the prerequisites for the formation of family regulation method, the components of its content, searching the balance between traditional and innovative technologies impact on relationships with family element.

Key words: family relationships; method; legal regulation; traditions; innovations.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

О балансе традиций и новаций в методе семейно-правового регулирования

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

The Balance of Traditions and Innovations in the Method of Family-Legal Regulation

Scientific article

Глубокой осенью 2015 года, без чрезмерных отвлечений на природные увядающие красоты, на юридическом факультете Тверского государственного университета, нашего давнего и исключительно дружелюбного партнера, прошла международная конференция, посвященная 20-летию Семейного кодекса Российской Федерации, «Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования» [1].

Одним из ключевых интеллектуальных и эмоциональных факторов, сформировавших атмосферу конференции, явился коллегиальный вывод ее участников об устойчивом становлении тверской научной школы семейного права профессора Ольги Юрьевны Ильиной. Дополнительным «фоном с перчинкой» послужило интервью и. о. декана юридического факультета Санкт-

Петербургского государственного университета Наталии Юрьевны Рассказовой журналу «Закон» о проектных работах по гражданскому кодексу. Критикуя качество проектной работы и ее результат — новеллы ГК (в их определенной части), коллега высказала опасения относительно эффективности начавшейся работы по реформированию семейного законодательства, констатировала явную недостаточность фундаментальных трудов по семейному праву как одну из предпосылок таковой эффективности («как мало глубоких исследований, как мало специалистов в этой области...») [2, с. 7]. Искренне надеемся, что данный тезис не является категорическим императивом. Впрочем, опасения относительно оптимальных результатов модификации Семейного кодекса

и семейного законодательства в целом далеко не беспочвенны, однако прежде всего по причинам первого порядка — хаотичности и других неблагоприятных характеристик процедуры подготовки законопроектов, на что Н. Ю. Рассказова и указывает [2, с. 8].

Некоторые сомнения в эффективном и продуманном процессе поэтапной модификации СК РФ действительно возникают: первая группа изменений была сведена к непринципиальным уточнениям терминологии в ряде норм и пунктуализации предписаний п. 1 ст. 127 СК РФ (что, конечно, было полезно, так как привело к аутентичному толкованию оснований для судебного усмотрения по делам об установлении усыновления); вторая группа также ориентирована на уточнение различного рода деталей, то есть в обоих случаях речь идет о «рождении горою» известного маленького «животного». Разумеется, «масло в огонь» подливает разность политических, этических и научно-юридических позиций, что неизбежно — проблема в балансе адекватного отражения действительности, частных и публичных интересов и представлений о справедливом праве и правосудии.

В этом смысле конструкция метода семейно-правового регулирования с очевидностью относится к ключевым. Ее активно исследовали и исследуют в цивилистике. В частности, в той или иной мере тема представлена в трудах М. В. Антокольской, Е. М. Ворожейкина, О. Ю. Ильиной, О. С. Иоффе, В. М. Пчелинцевой, А. М. Рабец, В. А. Рясенцева, А. П. Сергеева, В. Ф. Яковлева, автора данного сочинения и др. [3, с. 5—25]. Непосредственным поводом к некоторому уточнению авторской позиции явилась вдумчивая, системная статья Н. А. Темниковой, опубликованная в материалах тверской конференции [4] и идеи О. Ю. Ильиной о балансе в методе семейно-правового регулирования частных и публичных начал, их гармонизации, которые были заявлены и конкретизированы в докторской диссертации 2006 года, монографии 2007 года [5] и коллективной монографии 2015 года [6].

Полагаем, что вне зависимости от позиции относительно отраслевой суверенности семейного права (которую периодически и с высоким накалом убежденности отрицают представители известных научных школ) [7, с. 11—62]

предпосылки, формирующие ключевые элементы содержания семейно-правового метода более или менее аксиоматичны. Большинство из них сосредоточено в предмете регулирования и вполне объективно: 1) естественно-природное начало (подоплека) основных видов отношений с семейным элементом; 2) специальное целеполагание (создание, сохранение, поддержка семьи, обеспечение развития ребенка как члена общества, забота о нем и иных членах семьи, также в ней нуждающихся); 3) весьма специфические юридические факты и их составы; 4) особое качество субъектов, принципиально значимое для семейной сферы и, как правило, юридически безразличное для классической цивилистики (кроме небольшой части жилищного и наследственного права, да и то со «вздохами на скамейке», причем не любовными, а сожалеющими о необходимости учета интересов семьи, а не гражданского оборота); 5) согласительность, договорность взаимодействия этих субъектов; 6) глубокое влияние на содержание отношений этических конструкций, а весьма часто — и религиозных; 7) индивидуальность, формальная неопределенность семейных композиций; 8) объективное неравенство участников ряда отношений частной природы (родители, попечители — дети, родители — дедушки, бабушки и иные близкие родственники как воспитатели, мужчины — женщины и т. д.) [8, с. 9—38].

Вторую группу предпосылок составляют общественные, государственные, международно-правовые, цивилизационные интересы в нормировании рассматриваемых отношений — интересы, далеко не всегда созвучные друг другу, находящиеся под воздействием политических, культурологических, экономических факторов.

Третья группа представляет собой набор характеристик состояния научных исследований в соответствующей сфере юриспруденции, качество законодательных технологий и правоприменительной практики. Она, собственно, демонстрирует и меру качественного отражения в методе предпосылок первой и второй групп.

Найти баланс как внутри каждой из них, так и тем более между ними — задача непосильная. Однако не альпинистский азарт, а понимание объективной необходимости бесконечного восхождения на эту постоянно растущую вверх и вбок

«гору» движет исследователем, законодателем и правоприменителем в верном, неверном и относительно верном направлении.

Устойчивыми компонентами и характеристиками метода семейно-правового регулирования, с той или иной степенью адекватности учитываемыми основной ряд предпосылок первой и второй групп, являются частные и публичные, диспозитивные и императивные технологии правового регулирования. Диспозитивные вариации сводятся к идеям свободы брака и развода, возможности выбора способов построения отношений собственности между супругами, форм попечения над детьми, материальной поддержки членов семьи, к правилам об уважении позиции ребенка по семейным вопросам (учет мнения, условия о согласии, допущение самостоятельной защиты интересов), активному применению конструкций договора (отраслевого и комплексного типа).

Императивные технологии заключаются в признании браком зарегистрированного союза; объявлении невозможным прекращения договоров о браке, опеке (в том числе приемном родителстве) соглашением сторон; понуждении суда к действиям, не обусловленным волей субъектов семейного правоотношения (обязанности решить в бракоразводном процессе вопросы о месте проживания ребенка и его алиментировании, взыскания алиментов в процессе по делу о лишении родительских прав и т. п.); введении многочисленных и весьма специфических ограничений и запретов (для брака — запрет близкого родства, неблагоприятные последствия сокрытия факта вензаболевания или ВИЧ; для развода — ограничение мужа в праве на расторжение брака; для усыновления — установление 16-летней разницы в возрасте между усыновляющим и усыновляемым, запрет усыновления в связи с судимостью за совершение преступлений определенной группы, ограничения на усыновление по состоянию здоровья, сексуальной ориентации, требования к кандидатам о прохождении психолого-педагогической и правовой подготовки и т. п.); применении специальных мер защиты и ответственности (лишение и ограничение родительских прав, отмена усыновления и опеки, освобождение от алиментной обязанности ввиду недостойного поведения супруга в браке); установлении дополнительных требований этического порядка к родителям,

усыновителям, опекунам и другим воспитателям; формулировании правил «позитивной дискриминации», призванных к выравниванию возможностей мужчины и женщины, родителей (иных попечителей) и детей как субъектов семейных отношений (в сфере развода, раздела общесупружеского имущества, алиментирования, совершения семейно-правовых актов).

При этом, как неоднократно отмечалось в цивилистических трудах, и диспозитивные, и императивные методы воздействия как бы «скользят по поверхности» и, по общему правилу, не способны глубинно «перепахать» отношения с семейным элементом в силу их связанности с естественно-биологической, этической, обычайно-бытовой сторонами человеческой жизни, прежде всего в контексте ее физического и социального воспроизводства.

История российского (советского) законодательства свидетельствует о неоднократных экспериментах, нарушавших баланс природных и социально привнесенных начал: от упрощенной процедуры установления внебрачного отцовства — к полному запрету такого установления; облегченного бракоразводного процесса — к жесткому, сложному, исключительно судебному порядку; от признания фактического брака и справедливой охраны и защиты интересов его участников — к полному отрицанию какой бы то ни было его семейно-правовой сущности, а значит, и квалификации устойчивого и весьма распространенного вида семейного союза в качестве варианта отношений гражданского оборота и только в связи с возможностью применения правил о отдельной и долевой собственности. И т. д. и т. п. [9, с. 144—157].

Анализ этих экспериментов широко представлен в литературе по семейному праву. Настораживает одно постоянно воспроизводимое апологетами подобных решений обстоятельство: и в 40-е годы, и в конце 80-х — начале 90-х годов XX века одним из аргументов за ужесточение (сохранение) соответствующего правового режима являлся тезис о недопустимости поощрения легкомысленных связей, «грехопадения» женщины (именно ее — притом что в абсолютном большинстве случаев испытания выпадали на женскую долю). Мужчина же, известный природный «поисковик» (по традиционному классификатору), как-то незаметно выводился из сферы осуждения и ответ-

ственности... «Третья жизнь» (долженствовавшая, по ленинскому канону, быть всемерно защищенной) приписывалась преимущественно женскому «клубу», со всеми лишениями и заботами (впрочем, разумеется, и радостями). А настораживает это обстоятельство в том числе и в актуальном ключе: в первоначальном тексте проекта Концепции совершенствования семейного законодательства присутствовала идея о справедливой защите жизненно важных интересов субъектов фактического брачного (семейного) союза, в настоящее время идея из Концепции изъята как заведомо непроходная (?), а на тверской конференции данная разновидность семейного союза была квалифицирована одним из докладчиков как «блуд». Между тем речь идет прежде всего об устойчивом, длительном семейном союзе с детьми, в котором женщина (мужчина ?) без «алтарного благословения» добросовестно выполняет весьма обременительные домашние обязанности, а при прекращении союза оказывается с «кастрюлей и табуреткой»... [10, с. 24].

Вернемся, однако, к нашим симпатичным кудрявым «животным»... Как мы уже отмечали, адекватность и успешность метода, конечно же, зависит от законотворческих технологий. С одной стороны, очевидно, что в определенной своей части они универсальны, отраслево безразличны. Однако другие характеристики обнаруживают себя в существенной взаимосвязи с «атомами» семейного пространства. Кроме отмеченной нами общей, стратегической необходимости выбора законодательного инструментария, адекватного объекту его воздействия, что специфично по содержанию, но типично по целевому назначению для всех отраслей, следует выделять особенные, нередко проблемные, технологические зоны.

Так, несмотря на современное и актуальное «хоровое пение» (в том числе авторов указанной Концепции) о включении понятийного аппарата в Общую часть СК РФ, семейноведы сталкиваются со сложностью жанра: определение понятий фиктивного брака, опеки, усыновления и т. п. (даже ребенка!) трудностей не вызывает, а дефинирование брака, семьи, члена семьи — редут покрепче редутов Бородинского поля. Мнения в основном полярны: 1) данные явления комплексные, социально сложного порядка и законодательному определению не подлежат; 2) последнее

необходимо, так как имеем дело с суперзначимыми юридическими фактами, для решения проблемы можно ограничиться формально-юридическими констатациями их существенных признаков. Между этими позиционными полюсами демонстрируются две типичные версии. Первая — с романтическими наклонностями, особенно относительно брака. В ней присутствуют указания на одну из целей брачного союза — рождение и воспитание детей, используются этические конструкции о взаимоуважении и т. п. Вторая — с относительно прагматичными наклонностями, особенно применительно к понятию семьи, которое в зависимости от отраслевых задач может различаться (например, для семейного, жилищного, социального законодательства). В ряду с другими авторами мы не уверены в целесообразности как первой, так и второй версии. Однако компромисс возможен: относительно брака «романтизм» допустимо перенести в формулировки принципов семейного законодательства, а некоторые отраслевые спецификации конструкции семьи отразить через категорию «члены семьи». Поскольку в нашу задачу, в рамках допустимого объема статьи, входит фиксация тенденций развития семейно-правовой методологии, ограничимся по данному блоку приведенными сентенциями.

Следующий блок касается технологии взаимодействия семейного и гражданского законодательства. Оставив борьбу суверенитетов другому сочинению, отметим наиболее актуальные каналы данного взаимодействия. Первый — субсидиарное, прямое и косвенное, применение гражданско-правовых конструкций. Конечно же, речь идет о сделках, договорах, давности, собственности, обязательствах и т. д., при этом не следует смешивать указанную технологию с применением гражданского закона по аналогии: субсидиарность не является следствием пробельности [8, с. 219—225]. И первая, и вторая правилами ст. 4—5 СК РФ ограничены, однако с невероятно широкой долей усмотрения. Может быть, наряду с объективно необходимыми указанными возможностями следует заниматься и конкретизацией ситуации в семейно-правовых нормах? Так, например, норма ч. 2 п. 1 ст. 28 СК РФ вроде бы допускает использование конструкции заблуждения как основания признания брака недействительным. Анализ норм ст. 178 ГК РФ позволяет предположить, что субсидиарно можно применить только

подпункт 4 п. 2 о заблуждении в отношении лица — при заключении брачного союза с гражданином (гражданкой), скрывшим факт смены пола или свою нетрадиционную сексуальную ориентацию, или иных подобных обстоятельствах (например, беременность от другого лица). А можно ли и нужно ли? Не лучше ли «поговорить» об этом непосредственно в СК РФ?

Второй канал — «приграничное» взаимодействие в комплексных институтах совместной собственности, брачном договоре, опеки, актов гражданского состояния. Разумеется, и здесь констатируется немалая толика проблемности. Так, действующая конструкция брачного договора, по сути, выводит имущественную составляющую супружеского союза из семейно-правового пространства на «большую дорогу» гражданского оборота, игнорируя интересы ребенка и семьи в целом, полностью переворачивая с ног на голову начала семейного законодательства (ст. 1 СК РФ) [11, с. 79]. Преимущественно гражданско-правовое прочтение института опеки в ФЗ «Об опеке и попечительстве» разрушает семейно-правовую часть данного института [12, с. 7—8]. Административно-правовые и гражданско-правовые подтексты законодательства об актах гражданского состояния, приобретенные и СК РФ, дают возможность некоторым родителям всласть упражняться с именем ребенка или даже с записью о родительстве (например, об отцовстве при отсутствии его законного установления, родительстве при суррогатном материнстве).

Третий канал — «приграничное» взаимодействие в сходных институтах. Достаточно ярким примером «хромой утки» являются приключения конструкции семейной дееспособности, прежде всего ребенка. Мы и другие авторы неоднократно отмечали нестыковки возрастной градации объема его дееспособности, особенно применительно к 10-летнему барьеру. С одной стороны, различия, конечно, не исключаются (это констатировалось и на тверской конференции). С другой стороны, если это так, то не надо «бить челом» конструкции гражданской дееспособности несовершеннолетнего, в том числе, например, в вопросе о его семейных обязанностях, кои существуют не только фактически, но и юридически (см. болгарское, немецкое и др. законодательства,

а также нормы п.п. 4—5 ст. 43 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») [13, с. 103—108]. Между делом можно также подметить и другое предлагаемое для СК РФ приключение: допущение брака с недееспособным совершеннолетним гражданином при наличии рекомендации лечащего врача о полезности данного мероприятия для улучшения здоровья и соответствующего решения семейного совета... И правило это предлагается нам воспринять не из семейного закона, а из закона гражданского, правда французского и ряда стран, представляющих «восточные (брачные) единоборства» [14, с. 83—85]... Причем на французские гражданско-правовые партнерства семейного типа такая возможность не распространяется.

Семейно-правовая методология должна отслеживать стыковку семейного законодательства с медицинским — и прежде всего по трем направлениям [15, с. 220—270]. Первое: обеспечение права ребенка на охрану здоровья, содействие родителям и другим попечителям в реализации корреспондирующей этому праву обязанности. (В этой связи на тверской конференции была, например, высказана идея об изменении конструкции дееспособности ребенка в части согласования с ним с 15 лет вопросов по оказанию медицинских услуг — отказе в самостоятельной реализации данного права ранее 18 лет). Второе: правовое обеспечение программ суррогатного материнства, иных репродуктивных программ, фиксация соответствующего материнства и отцовства (договоры, участники, гендерные различия, медицинская и семейная тайна, биологическое и социальное родительство). Третье: смена пола — судьба брака, отцовства и материнства (как в брачном союзе, так и вне его).

Долгие годы не решаются коллизии между семейным и гражданско-процессуальным законодательством: ограничение ст. 17 СК РФ не вписывается в нормативы ст. 134 ГПК РФ об основаниях отказа в принятии искового заявления, конструкция развода по взаимному согласию вообще не предусмотрена ГПК, а требования п. 2 ст. 24, п. 4 ст. 70, п. 5 ст. 73, п. 4 ст. 143 СК об инициативных возможностях суда не отвечают принципам ГПК, хотя и разумны [16, с. 225—240].

Взаимодействие указанных отраслей является неизбежным и, как правило, конструктивным, как осложняющим, так и упрощающим правосудную

деятельность: индивидуальный, не способный к формальной определенности характер отношений с семейным элементом порождает примат ситуационного нормативно-правового регулирования и широкие возможности судебного усмотрения, или дискреции [17, с. 98—101; 4, с. 267].

Некоторое воздействие на семейное законодательство, в том числе семейно-правовую методологию, оказывают нормативно-правовые технологии государств ближнего зарубежья. Анализ семейного законодательства последних показывает сходство в принципиальных подходах и разнообразие в деталях. Например, оно различается по степени развитости понятийного аппарата (для примера: в ст. 1 Закона о браке и семье Республики Казахстан содержатся дефиниции 18 понятий), структуре, некоторым характеристикам статуса родителей и детей, особенностям регулирования имущественных семейных отношений, содержанию договорных конструкций (норма ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье допускает регулирование в брачном договоре личных неимущественных и алиментных отношений между родителями и детьми) и т. д. В литературе отмечается, что система кодифицированных актов в пространстве СНГ в целом обладает признаками единства, позволяющими прогнозировать тенденцию к унификации, отличия же обусловлены воздействием национальных обычаев и традиций [18, с. 197]. Однако, на наш взгляд, сходство обусловлено скорее всего инерцией взаимодействия в советский период, а различия весьма часто — не столько национальными особенностями, сколько состоянием семейно-правовой доктрины и степенью контактности ее представителей с законодателем. Например, в пору партнерских отношений Украины и России первую трудно было заподозрить в прямом желании содержательно дистанцироваться от положений СК РФ, однако в СК Украины 2002 года немало суверенных и нетривиальных идей о юридической сущности семьи, семейных договорных конструкциях, обычае как источнике семейного права, особенностях выполнения семейных обязанностей, регулировании брачного отношения, праве на материнство и отцовство, уважении индивидуальности мужа и жены, признании права общей совместной собственности мужчины и женщины, проживающих одной семьей (не можем удержаться от вопроса: на Украине

«блуда» нет?...») и т. д. (ст. 3, 9, 11, 15, 28, 30, 31, 49, 50, 51, 74). Не думаем, что эти и другие идеи обусловлены национальными особенностями и традициями — в этой своей части они скорее всего свидетельствуют об оригинальности, незащищенности семейно-правовой доктрины и восприимчивости ее идей со стороны законодателя. (Кстати, в советских КоБС, например, Украины и Узбекистана присутствовала одинаковая норма о 17-летнем брачном возрасте женщины...) Полагаем, что для оптимизма в деле унификации семейного законодательства стран СНГ (или Евразийского союза) пока серьезных оснований нет, хотя воспринимать разумные новые идеи для реформирования российского семейного законодательства, разумеется, полезно. Предоставим же площадку для регулировки встречного и реверсивного движения коллизионным нормам международного частного (семейного) права.

В качестве продолжения размышления о сравнительно-правовом контексте влияния на развитие семейно-правовой методологии нельзя не высказаться относительно взаимодействия с Западом и Востоком. С одной стороны, российский социум испытывает определенный идеологический и культурологический прессинг западных вариантов либерализации семьи, что некоторым, отнюдь не тотальным, образом отражается в позициях ряда представителей цивилистической науки — в контексте семейно-правовой (на первом этапе — гражданско-правовой) охраны и защиты нетрадиционных семейных связей, включая право на партнерство, брак, родительство, попечительство. С другой стороны, этот же социум организуется на соответствующее сопротивление по линии основных конфессий, а также известных некоммерческих организаций. Что касается восточной компоненты, то, как известно, она столетиями присутствовала на нашем евразийском пространстве и влияла на семейное законодательство (по крайней мере, в части брака). Поэтому неудивительно, что политиками, законодателями и представителями юридической науки периодически ставится вопрос о необходимости усиления учета национально-региональных особенностей построения семейных отношений (в плане брачного возраста, полигамии, попечения над детьми). Не углубляясь в дискурс (тем более что мы неоднократно в нем участвовали), ограничимся

констатацией того, что все указанные институты в ближайшие годы могут оказывать влияние на семейно-правовую методологию, поскольку мы находимся под воздействием, по меньшей мере, двух цивилизационных общностей и многочисленных национальных самобытностей.

Так или иначе, в той или иной степени, с той или иной мерой успешности и оправданности метод семейно-правового регулирования являет собою результат балансировки самых различных начал — частных и публичных, диспозитивных и императивных, формальных и дискреционных, узкоотраслевых, межотраслевых и межгосударственных, западных и восточных, светских и религиозных, новейших и традиционных. Насколько продуктивно результат этой балансировки организует движение семейного права во времени и пространстве зависит от законодательства, доктрины, правопонимания и правоприменения, а значит, от российских граждан, сомневающих, ищущих и, возможно, находящихся.

Ссылки

1. Семейное право: политические и социальные ориентиры совершенствования // Материалы международной научно-практической конференции, 28—29 октября 2015 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. 300 с.
2. Интервью номера // Закон. 2015. № 9. С. 6—17.
3. Тарусина Н. Н. Семейное право. М.: Проспект, 2001. 144 с.
4. Темникова Н. А. Метод семейного права и перспективы развития семейного законодательства // Семейное право: политические и социальные ориентиры совершенствования: материалы международной научно-практической конференции, 28—29 октября 2015 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 265—271.
5. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. 192 с.
6. Проблема гармонизации частных и публичных начал в семейном праве Российской Федерации. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. 431 с.
7. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 616 с.
8. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
9. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
10. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: «Куда бежишь, тропинка милая ?...» // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 16—31.
11. Лушников А. М., Лушников М. В., Тарусина Н. Н. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. М.: Проспект, 2010. 432 с.
12. Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3—8.
13. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.
14. Трофимец И. А. Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. М.: Юрлитинформ, 2012. 253 с.
15. Биомедицинское право в России и за рубежом / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2015. 368 с.
16. Бутнев В. В., Тарусина Н. Н. Очерки по теории гражданского процесса. М.: Проспект, 2015. 240 с.
17. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: Заметки семейноведа. Ярославль, 2011. 288 с.
18. Левушкин А. Н. Семейное право и законодательство Российской Федерации и других государств-участников СНГ: правовые и социальные ориентиры реформирования и тенденции развития // Семейное право: политические и социальные ориентиры совершенствования: материалы международной научно-практической конференции, 28—29 октября 2015 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 137—140.